

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ МАКСА ДАЛИНА

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

МОЯ СВЯТАЯ
ЗЕМЛЯ

КОСТЁР И САЛАМАНДРА.
КНИГА 1

КОСТЁР И САЛАМАНДРА.
КНИГА 2

КОСТЁР И САЛАМАНДРА.
КНИГА 3

МАКС ДАЛИН

МОЯ СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д15

Далин, Макс.

Д15 Моя Святая Земля / Макс Далин. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-199222-4

Благой король вырос далеко от родины, но долг зовёт его вернуться домой — туда, где его никто не ждёт. Его родственники — предатели. Его Святая Земля превратилась в преддверье ада. Его единственный друг — проклят.

Благой король не умеет владеть мечом, не умеет вести за собой войска — да у него и нет солдат. Всё, что у него есть, — дар целителя, больная совесть и отчаянное желание вернуть святость Святой Земле...

Но, возможно, этого достаточно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199222-4

© М. Далин, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Королева тяжело опиралась на руку Гектора, задыхалась и всхлипывала. Когда Гектор набирался храбрости взглянуть ей в лицо, он видел лихорадочный блеск глаз, окружённых синевой, кровь на искусанных губах и восковую кожу в капельках слёз и пота. Нестерпимо смотреть, нестерпимо.

— Государыня, — пробормотал Гектор голосом, срывающимся от ужаса и жалости, — может, мне всё-таки донести вас? Я понимаю, что это звучит немыслимо... в ином случае я бы никогда не осмелился, но сейчас...

— Нет, нет, — выдохнула королева вместе с рыданием. — Я тебе благодарна, милый, но идти надо, мне надо идти. Повитуха говорила, что мне надо ходить... — И, запнувшись, ткнулась мокрым лицом в руку Гектора выше локтя. — И до храма мне дойти надо, самой дойти... я всё помню...

Гектор, смущаясь и смертельно боясь причинить ей боль, обхватил королеву за талию, стараясь хоть как-то облегчить кошмар этого пути. Проклятый крысиный лаз, проклятая жизнь — и страшное слово едва не сорвалось не с губ, но с мысли. Господи, ну почему?

Почему бы Тебе, Господи, не узреть её прямо сейчас? Дай нам лишних десять минут, неужели Тебе вправду всё равно, кто злодей, а кто святой?!

Чадное рыжее пламя метнулось на сквозняке. В затхлый сыроватый душок подземелья потянуло струйкой воска и ладана, тёплой, доброй, как протянутая рука. Они оба приободрились, Гектор улыбнулся, сказал так нежно, как смог:

— Вот и храм, государыня. Ещё несколько шагов — и дверь. Ключ у меня.

Королева чуть замедлила шаги, цепляясь ледяными пальцами за его горячее под рубахой плечо. Тяжёлая дверь — мощные дубовые доски, окованные сталью — выплыла из подземного мрака, и святой символ, Око Господне над мистической Розой, зазолотился на ней в неверном факельном свете.

К двери вёл десяток некрутых ступеней. Последняя пытка.

— Слава Богу, — от облегчения вырвалось у Гектора.

Королева остановилась на верхней ступеньке, пытаясь отдышаться. И тут на разум Гектора обрушилась, как тяжёлая палица — оглушив, — мысль, очевидная до последних пределов, и притом совершенно неожиданная.

— Государыня, — голос его задрожал, — вы должны были взять даму. Саломею должны были взять или Лаванду. А лучше — вашу повитуху. Я не могу...

Она подняла голову. Он поразился, насколько непреклонно и сурово выражение её глаз, таких синих и таких обычно кротких.

— Отпирай, — приказала она спокойно и ласково, наконец справившись с одышкой и приступами боли. — Пожалуйста, не стой. Отпирай. Когда они привезли его тело, Саломея сказала: «Ну вот и славно», а Лаванда улыбнулась. Я видела их лица. Они убили бы ребёнка. У меня на глазах убили бы — за будущие почести. А повитуха — тётка Лаванды. Я не могу никому довериться. Только тебе. Прости.

«О нет!» — заорал Гектор про себя, еле попадая ключом в замочную скважину. Дверь распахнулась.

Розовый закатный свет заливал храм через стрельчатые окна. Небеса полыхали пожаром, небеса все были в золоте и королевском пурпуре, и в этом свете померкла храмовая позолота. Свечи не горели; на образ Божий падала густая тень, только Его очи и златозвёздный венец еле заметно мерцали из темноты.

Королева отпустила плечо Гектора и пошла к образу, поддерживая тонкими руками огромный живот в охапке мокрых запылившихся юбок. Сделала несколько неверных шагов и упала на колени.

— Господи, видишь ли?! — Её голос, всегда тихий и нежный, вдруг наполнил собой весь храм, как орган. — Господи, на тебя уповаю, нет у меня сил... и времени... и кругом измена и зло, оттого прошу — воззри сейчас, обрати взор свой на плод чрева моего... на нашего короля...

Слова оборвались диким воплем, резанувшим Гектору душу. Он бросился на помощь сквозь собственный неизбывный ужас — к своей госпоже, к своей святой, к своему сюзерену, на которого никогда не смел

взглянуть как на женщину. Немыслимо было сознавать, что именно она, недосягаемо высокая дама, корчилась на каменных плитах беспомощно и бесстыдно, как любая бедная девка, которой пришёл срок... а он, мужчина, дурак, невежда, знающий всё о боевых ранах, не мог даже представить себе, что делать с *такой* болью, и его сердце разрывалось от её криков...

Но тут пришло наитие. Тёмный образ Господа вдруг начал наливаться светом. Гектор, занятый отчаянной работой, более ужасной, чем штурм крепостной стены под шквальным огнём, не видел, как контуры Его фигуры медленно выступили из тьмы, становясь всё чётче и ярче, как озарился Его лик, неземной, бесстрастный и всепроницающий. Только когда крик ребёнка присоединился к стонам матери, Гектор осознал, что храм, в котором не горит ни одна свеча, уже просвечен насквозь, а лик Господа светится золотым солнечным огнём.

Так было явлено чудо, которое именно в этом храме, вот уже пятьсот лет как усыпальнице королевского рода, в месте венчания особ королевского рода и коронации государей, являлось каждый раз, когда происходило одно из упомянутых событий. Господь, созерцающий землю с небес через свой образ, нерукотворно явившийся пятьсот лет назад на храмовой стене, остановил свой взор на новом государе, отметив его.

А Гектор омыл крохотное тельце в беломраморной чаше со святой водой, завернул в свой плащ и протянул королеве, преклонив колени.

— Государыня, — сказал он, — Господь видит наши упования. Это мальчик.

Королева улыбнулась тенью улыбки, прижав дитя к себе изо всех своих жалких сил.

— Эральд, — прошептала она почти беззвучно. — Запомните же, Эральд, как Господь узрел вас. Будьте достойны своих предков и вашего прекрасного отца, государя Эральда, которого убил его родной брат. У вас нет братьев и сестёр, мой господин. И вы сирота. Но вы — король.

Младенец молчал. Его круглые глаза, синие, как у матери, отражали свет зари. Гектор помог королеве приподняться.

— Почему же сирота, государыня? — спросил он. — Вы сумеете, вы вырастите его, как подобает...

— Нет, — сказала королева тихо. — Мы выиграли не больше часа. Они вот-вот догадаются обо всём и появятся здесь. Ты сейчас возьмёшь своего юного государя и уйдёшь. Ты спрячешь его — даже мне не говори, куда. Ты его вырастишь. Больше мне не на кого надеяться.

Гектор отшатнулся.

— Государыня! — с трудом выговорил он. — Как вы можете говорить такое?! Неужели вы думаете, что я оставлю вас здесь на растерзание этим упырям? Я этого не сделаю!

— Сделаешь, — сказала королева негромко, но со спокойной страстной силой, какую трудно было заподозрить в её измученном теле. — Мне больше не на кого рассчитывать, пойми это. Бриан запугал всех,

кого не смог купить. Только ты верен и не знаешь страха. Со мной ты не уйдёшь далеко: я повисну каторжной цепью у тебя на ногах, поэтому ты оставишь меня здесь. Я уже сделала всё, что могла, исполнила свой долг, а твой долг — спасти короля.

Вот в этот-то момент Гектор и понял с беспощадной ясностью, что королева уже приняла решение. Она решилась раньше, чем Гектор помог ей войти в храм, раньше, чем родила, и сейчас принимает собственную смерть с тем же мужеством, с каким принимает её боец, готовый ради победы взорвать подкоп.

Гектор смотрел в её прекрасные глаза и думал, что видит королеву в последний раз. Они оба принадлежат долгу и государю, только что появившемуся на свет. Они оба должны защищать короля.

И если ценой жизни — то рок так сулил.

— Гектор, — тихо сказала королева. — Ты любишь меня?

У него не хватило слов. Любит ли он... Когда его государь, друг его детства, его господин, лучший из всех, привёз из-за моря эту тоненькую синеглазую женщину с тяжёлыми бледно-золотыми косами, Гектор стал её паладином и поклялся жить ради неё, как ради своего короля. Гектор не женился, чтобы не нарушать идеальной верности своей святой госпоже. И — он готов на любую жертву ради неё.

Даже на такую. Его сердце разрывалось, но он был готов.

— Ради любви ко мне, — сказала королева нежно, — ради памяти моего супруга, который был тебе товарищем... спаси моё дитя. Я тебя... прошу.

Гектор склонился к самому полу и поцеловал грязный и окровавленный подол её платья — королева, в первый и последний раз в жизни и в вечности, коснулась искусанными в кровь губами его потного лба.

Гектора захлестнуло ощущение горького счастья.

Королева просила, когда могла бы и приказать. Они оба были бойцами на одном ратном поле, на равных правах. Больше, чем всё, о чём Гектор мог мечтать.

— Не медли больше, — сказала королева, поцеловала младенца и протянула Гектору, как могла бы протянуть собственное вырванное сердце. — Уходи.

Гектор обнял ребёнка, ощутив сквозь ткань плаща живое тепло, и вышел, не в силах оглянуться на тёмную фигурку, лежащую на полированном камне в золотом неземном свете...

Свита принца Бриана появилась в храме спустя четверть часа.

Сам Бриан, молодой статный красавец с роскошной вороной гривой, рассыпавшейся по плечам, в алом бархате, вышитом гербами королевского дома Святой Земли — Сердца Мира и Святой Розы, — оглядывался по сторонам, щурясь и раздувая ноздри, как волк на ловле. Храм был тёмен и пуст. Заря догорала;

от окон протянулись полосы бледного света, бессильные рассеять густой сумрак. Все храмовые наставники по личному приказу Варфоломея, духовника Бриана, служили благодарственный молебен не в этом храме, а в дворцовой часовне. Так кто же мог отпереть эти двери?!

Она, она! Она, набожная курица, бегала по древнему подземному ходу сюда молиться по ночам, в сопровождении хорошенькой Саломеи, двуличной змейки, прекрасной в постели, и пса-Гектора, цепного волкодава её муженька, милого братца. Она бегала сюда, чуть что — она снова прибежала сюда, надо было давно понять.

Надеется, что её защитит древняя картина на штукатурке.

Повинуясь жесту Бриана, его люди принялись зажигать свечи. Хольм вдруг вскрикнул и выронил факел:

— Ваше высочество, в святой воде — кровь!

К нему бросились остальные. Лица сделались мертвенно-белыми в одну секунду. Бриан усмехнулся:

— И это, по-вашему, что-то вроде знамения? Трусы, дурачьё! Осветите все углы, мы на правильном пути.

Он не ошибся. Обшаривая храм, его люди вскоре наткнулись на женщину, забившуюся в тесную нишу рядом с изваянием Божьего вестника. Бриан подошёл взглянуть на неё.

Первая красавица трёх королевств... Причёска развалилась, из неё выбиваются космы, торчат

шпильки. Лицо как у чахоточной побирушки, от драгоценного туалета остались грязные окровавленные тряпки, корсаж висит на ней мешком... это почему бы?!

Кровь хлынула к лицу Бриана. Он обозначил улыбку, блеснув острой белизной зубов:

— Как опрометчиво было подвергать опасности вашу бесценную жизнь, дорогая сестра. Ваша свита сбилась с ног, все вне себя от тревоги. Что вы делаете здесь, любезная моя Амалия?

Подняла глаза — всепонимающие, как у недобитого оленя.

— Я обезумела от скорби, ваше высочество. Я слаба, я всего боюсь. Я не осознавала, что делаю... может, Господь вёл меня...

«Ваше высочество», не «братец». Догадалась, сообразила, пёс-Гектор уцелел и успел ей набрехать — притворяется дурочкой, умная сука. Издевается кротким тоном. Ну ладно.

— Дорогая сестрица, вы ведь рисковали не только собой, вы рисковали и драгоценным младенцем, который должен стать нашим королём... неужели вы рожали здесь, в этом месте, столь неприспособленном для столь интимных и опасных дел? Одна, без ваших дам, без повитухи? Как же вы могли...

Вздохнула, провела рукой по лбу.

— Я не помню, ваше высочество, ничего не помню... у меня горячка... мне больно. Дайте мне глоточек воды, у меня всё горит внутри...

Лживая сука.

Нагнулся, поднял её с пола, встряхнул, — её лицо исказилось от боли, — прижал спиной к крылу изваяния.

— Амалия, где ваш ребёнок? Я ничего не имею против вас, я всегда вас любил, но то, что вы делаете, непростительно. Вы осознали, что ваше дитя — король или королева?! Куда вы его дели?

— Я пить хочу, ваше высочество... позовите священника...

Встряхнул снова, стукнул спиной о мраморные перья.

— Где твой ребёнок, Амалия? Скажи — и напьёшься, и отдохнёшь. Ну!

С трудом подняла голову, в глазах — кроткое и неодолимое упорство.

— Я не помню, ваше высочество... кто-то унёс... монашек в капюшоне... или женщина... я не помню... у меня горячка, прошу вас, дайте мне воды...

Невозможно дальше говорить из-под маски.

— Амалия, ты мне это скажешь, или я выбью это из тебя. Это государственное дело, забота о престолонаследии для меня важнее, чем родственные чувства... Куда ты дела ребёнка, сумасшедшая наседка?!

Улыбнулась. Они с братцем — два сапога пара, королевская, будь она неладна, гордость. Ну, им недолго тосковать по разные стороны небес.

— Я не могу вам это сказать, ваше высочество, ибо не знаю. Я отдала ребёнка первому встречному, не спросив его имени. Он зашёл сюда просить Божьей милости — и Бог вразумил его быть милостивым ко

мне. Мне тяжело стоять, ваше высочество, и очень хочется пить. У меня горячка...

— Я его найду, Амалия.

— Ищи. Господь милосерд... Господа, рыцари, есть ли здесь хоть одна честная душа, которая даст женщине воды?!

Пока смотрела на его свиту, вытащил кинжал, воткнул между планками корсета, поддерживающего грудь. Не вскрикнула и не успела закрыть глаза.

Дурни ахнули. Болван Хольм вскричал:

— В храме, ваше высочество! Перед ликом Господним! Женщину, королеву!

Положил тело на пол. Вытер лезвие её замызганной юбкой.

— В чём дело, трусы? Она умерла от родов. Ребёнок тоже умер. Так и сообщите всем. Государь Эральд разбился, упав с коня на охоте, а у государыни от скорби приключились преждевременные роды. Достаньте мёртвого младенца, пусть его покажут толпе. И ад с ним, с настоящим. Все младенцы — на одно лицо. Никакая сволочь не сможет доказать, что у неё живёт сынок или дочка Эральда. Нечем.

Этот щенок, сын Миноса, подал голос:

— А если тут и вправду случилось чудо, ваше высочество? И младенец...

Рассмеялся.

— Что вы об этом знаете?! Я из королевской семьи, я знаю, как устраивают такие чудеса. Всё это ложь и политика, в это верит толпа... Я знаю, быдло не признает меня истинным королём, ибо надо мной